

*У каждого, влюбленного в Поэзию
Марины, своя Цветаева!
(просто истина)*

«Нездешнее» слово в известном стихотворении Марины Цветаевой.

(Смятение, после вслушивания. Догадка или мистификация?)

Это стихотворение Марины Цветаевой включается во все широкие сборники стихов гениального Поэта России. На Цветаевских кострах оно непременно звучит: «Красною кистью рябина зажглась..».

Как-то по-особенному оно прозвучало для меня в 1999г. на 4-м Вашингтонском костре, где его читала девочка с чуть заметным акцентом, печально- взволнованным голосом. Вслушиваясь в звучание стихотворения, как того всегда требовала М.Ц., одно слово в заключительной, напряженной его части мне показалось « нездешним» в этом стихотворении.

*«...Мне и поныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть».*

На мой слух, это «нездешнее» слово - «**жаркий**».

Цветаева, имевшая абсолютный слух, как мне казалось, не могла после слова высокого тона « хочется **ГРЫЗТЬ**», так понизить тон звучания стиха бесхитростным и простым словом «**ЖАРКОЙ** рябины». Здесь «**жаркий**» для меня перешло в понятие «**теплый**», т.к. эмоционально по всем статьям уступает предшествующему раскаленному выкрику Поэта – **ГРЫЗТЬ!**

Дело еще и в том, что слово «жаркий» - большая редкость в лирических стихах М.Ц., включенных в сборник «Версты 1». Так ни в одном из ярких, горящих и страстных стихотворений, посвященных Мандельштаму, Софье Парнок и Анне Ахматовой (общее число этих стихов в «Верстах1» более 30 шт., с числом строф – более 150), Цветаева ни разу не применила слово «жаркий».

Не встретил я слово «жаркий» и в знаменитых поэмах Цветаевой о любви и страсти: «Поэме горы» и «Поэме конца». Слово «жаркий» обнаружил в колдовской поэме М.Ц. «Егорушка», но в таком звучании, что невольно поехался:

*«...Слюной – струею каплет в спор
Волчиха – **жарким** дыхом ,
А уж над спором ихним ».*

Полагаю, что слово «**жаркий**» Цветаева не любила, считая банальным.

Потому и редко привечала его в своей яркой лирике тех лет. Интересно и то, что ее любимый Поэт, Борис Пастернак в своих главных лирических стихах – от «Марбурга», « ...Ты прекрасна, без извилин», «Мело, мело...», «Свидания», «Осени», «Магдалины», до «Недотроги», «Евы», «Вакханалии», «Единственных дней», включая гениальную «Рождественскую звезду», - избегал эпитета «жаркий». Лишь однажды в «Августе» сказал о «жаркой охре». Прошу не равнять бесхитростное «жаркий» с **существенным** и ярким словом «**жар**», которое блистает в пастернаковском «**жаре соблазна**».

Когда готовил книгу о Цветаевских кострах (вышла в 2002г.), прочитал письма Цветаевой к литератору Ю.Иваску, приходившие из Кламара (Франция) в Эстонию в апреле-мае 1934г. (Впервые опубликованы в Журнале «Русский литературный архив». Нью-Йорк. 1956г., опубликованы в России, Том 7, СС М.Ц., «Эллис Лак», М, 1995г.).

В письме М.Ц. к Ю.Иваску от 12 мая 1934г. приведено стихотворение «Красною кистью ...» со строкой о «жаркой рябине».

Цветаева также пишет: **«Вот одно из моих самых любимых, самых МОИХ стихов».**

Конечно, я был огорчен таким поворотом дела, но вновь и вновь на Цветаевских кострах и вечерах Цветаевской поэзии слово «жаркий» в стихотворении «Красною кистью...» звучало для меня диссонансом, как «нездешнее».

Будто Цветаева заменила свое **истинное** слово на **бесхитростное** по какой-то причине.

В начале 2006г. начал писать книгу о моих встречах с Ольгой Всеволодовной Ивинской (1912 -1995г.г.), последней любовью и музой Бориса Пастернака.

Просматривая записи наших многочисленных бесед (они проходили в течение семи последних лет ее жизни), обратил внимание на ее рассказ о днях «нобелевских гонений» на Пастернака советскими властями в октябре 1958г. («Нобелевская премия по литературе» была присуждена Пастернаку 23 окт, 1958г.).

Тогда Ольга Ивинская и Ариадна Эфрон бесстрашно бросились на защиту жизни и чести Бориса Леонидовича, которого предали друзья дома и родные («милый хлам», как писал о них сам Пастернак).

28 окт. 1958г. Б.Л. неожиданно приезжает из Переделкино в Москву на Потаповский пер. к Ольге, где в те дни постоянно находилась Ариадна. Пастернак торжественно объявил, что только что отправил в Стокгольм телеграмму с отказом от Нобелевской премии.

Это вызвало недоумение и недовольство у О.В. и Ирины (дочь О.Ивинской), но Ариадна бросилась успокаивать Пастернака, приговаривая: - «Вот и молодец, Боренька. Вот и умница». А вечером, объясняя свою реакцию на отказ Б.Л., сказала Ольге: - «Этой власти надо только кланяться и благодарить, а не то хуже будет». А затем добавила:

- **«Даже мама заменяла слова в своих стихах, чтобы не злить красных комиссаров».**

Эта реплика Ариадны заставила меня подробно изучить историю публикации стихотворения «Красною кистью...».

Оно написано до революции, в августе 1916г., а впервые напечатано в послереволюционной Москве в сборнике «Версты1» в 1922г.

Стихотворение написано в период бури страстей и расставания Марины с Софьей Парнок (они окончательно разорвали отношения в начале сентября 1916г.). Стихи о переживаниях того времени включены М.Ц. в сб. «Версты1», где есть и такие строки:

«...Веселись, душа, пей и ешь!
А настанет срок –
Положите меня промеж
Четырех дорог».

Отмечу - это написано в 1916г., когда Марина жила в достатке и вольнице.

Но в 1921, 22г. Марина с Алей обитают в голодной и холодной Москве, уже в полной мере познав все «прелести жизни» при красных комиссарах.

Эту жизнь не выдержал и погиб кумир Цветаевой – Поэт А.Блок. Погибла в красном приюте младшая дочь М.Ц. - Ирина.

В воспоминаниях Ф.Степуна читаем (его архив находится в Америке и впервые опубликован в 1956г. в Нью-Йорке):

«Осенью 1921г. мы шли с Цветаевой по Тверскому бульвару. На ней было легкое, затрепанное платье, в котором она вероятно и спала. Мужественно шагая по песку своими босыми ногами, она просто и точно рассказывала о своей нищей жизни, о трудностях прокормиться как-нибудь с дочерью...».

В начале 1921г. Цветаева была лишена академического пайка, который ей дали после смерти дочери Ирины весной 1920г. Слезную просьбу за нее, чтобы не дали умереть с голоду, написал властям Ю.Айхенвальд.

Поэтому появившаяся возможность издать в 1922г. сборник своих стихов, чтобы получить какие-то деньги и как-то прокормиться, вынуждала М.Ц. быть крайне осторожной, чтобы не вызвать гнев красных комиссаров. Это могло привести к запрету издания сборника или к уничтожению книжки.

Эти соображения вновь заставили меня искать давние публикации, связанные со стихотворением «Красною кистью рябина зажглась...». И неожиданно в начале 2006г., как в мистическом романе Булгакова, мой бесценный друг А.Ханаков дарит мне из своего огромного архива несколько старых газетных статей о поэзии Марины Цветаевой. Среди них газета со статьей «Письма М.Цветаевой к Ю.Иваску» (газета «Голос труда», 24 июня 1989г., №100, г.Александров), в которой приведено крылатое стихотворение, где отсутствует слово «жаркий» в последних строках.

Читаю: «...Мне и поныне
Хочется грызть
ДИКОЙ рябины
Горькую кисть».

Для меня именно это слово «ДИКОЙ» явилось выражением сути Цветаевской стихии тех лет, о которой она писала в том же письме к Ю.Иваску.

«Ненавижу свой век потому, что это век организованных масс, которые уже не стихия».

Кстати, в немецком переводе этого стихотворения вместо слова «жаркий» применено слово - «красной» рябины. Я думаю, в то трагическое для М.Ц. время 1921,22г. она также могла написать «грызть красную кисть», но, понимая реакцию на это красных комиссаров, не решилась на такой явный вызов «волкам площадей».

Английский перевод (его сделал профессор Робин Кемпбелл) этого слова в стихотворении сделан в лоб - **warm?** , что конечно означает понятие **теплый**, а это совсем не соответствует Цветаевскому страстному восклицанию - **«грызть горькую кисть».**

О состоянии души М.Ц. во время подготовки сборников стихов «Версты» красноречиво говорит ее автограф на письме М.Волошина к ней от 13 января 1922г.

В том письме Волошин с сарказмом пишет Марине о произволе красной цензуры.

« Милая Марина и Аля...

Красный поэт Золотухин счел нужным переделать мои контрреволюционные стихи на «революционные». (стихи Волошина взяли для листка «Борьба с голодом». – Б.М.)

Так вместо:

«Ох, не выпить до дна нашей воли
Не связать нас в единую цепь»...(контрреволюция)

Напечатано;

«Мы пропьем до конца нашу волю
И скуемся в единую цепь»...(революция)

Я, разумеется, в восторге.

Макс».

На этом письме Марина пишет:

« ...Посылаю вам живого Макса. Если не трудно, перешлите, переписав, это письмо к И.Г. (Эренбургу в Берлин. – Б.М.). Пусть даже опубликует, опустив обращение (т.е., скрыв имя адресата письма. – Б.М.), - **сейчас я трусливая!**»

Несомненно, из-за того же страха М.Ц. не включила в «Версты2» дорогие ей стихи 1918г. о пропавшем в горниле гражданской войны Сергее Эфроне. Только к концу 1921г. она узнала о том, что Сергей жив и стала готовиться к выезду с Алей из красной России к мужу. И страх Марины за возможный отказ ей в выезде удесятерил ее осторожность при подготовке сборников стихов «Версты».

Я склонен относиться к публикации в газете «Голос труда» 1989г. с «дикой рябиной» как к мистификации, о чем писала Ариадна Эфрон в своих воспоминаниях о матери. **«Вчитываясь и глубоко проникая в поэзию Мамы, всегда будете встречаться с какой-то новой тайной».**

Для меня и многих остается тайной:

Какие стихи Марина Цветаева переделывала в послереволюционной России из-за страха перед красными цензорами?

Потому я осмелился выступить с моими мыслями перед профессионалами, чтобы просить их пристально изучить эту проблему и широко опубликовать результаты.

Стихи гениальной Марины Цветаевой должны звучать так, как она написала их на воле, а не под гнетом страха перед красными «волками площадей».

Б.Мансуров. 15 сентября 2006г.

Послесловие. Уже на Болшевской Конференции о поэзии Марины Цветаевой

16 сентября 2006г. я встретился с директором «Дома музея Марины и Анастасии Цветаевых в г. Александрове» Львом Готгельфом. На мой вопрос об авторстве статьи из газеты «Голос труда», №100, 1989г., он ответил:

«Ее, должно быть, написал наш ярый «маринист» Владимир Коваленко, который постоянно занимался подготовкой материалов в газету к Праздникам Цветаевской поэзии в г.Александрове. У него всегда свой взгляд на Цветаеву».

(Об истоках Цветаевских праздников поэзии, которые впервые в мире начались в 1982г. в Александрове, написано в книге «Цветаевские костры», изд. «Русаки», М., 2002г.)

Приехавший на Болшевскую конференцию 16 сент., давний исследователь Поэзии серебряного века, Сергей Канторин, бывший активным участником Цветаевских праздников в Александрове, сказал мне: - «Эту статью о письмах Цветаевой к Иваску готовил В.Коваленко по материалам, которые ему передавала Анна Саакянц. Она с Володей была очень дружна и ему полностью доверяла».

Тогда вспомнил свою долгую беседу по телефону с А.Саакянц в 2001г. (я познакомился с ней раньше, 27 июня 1992г. в доме Ольги Всеволодовны на Юбилее 80-летия О.Ивинской), в которой она говорила и о Цветаевских праздниках в г.Александрове и о своем друге, замечательном поэте, Володе Коваленко.

Подумал: Володя и мне дарил книжки своих стихов, которые мне понравились. Если так услышал стихотворение Цветаевой и Володя Коваленко, то у меня не столь испорчен слух.

Потому приведу одно из мной любимых стихотворений Володи памяти Марины Цветаевой, которое впервые напечатано в той же газете «Голос труда», №100, 1989г.

**Эпиграф. «Черная, потом
пропахшая, выть?...»
С.Есенин**

**Немилосердна земная дорога –
Потом и кровью пропахшая выть.
Что же заставило Господа Бога
В женском обличьи
ПОЭТА явить?
Видно весомыми были причины
Так непреложно спросить у веков:**

**- Вы почему не стыдитесь,
Мужчины,
Сонмом своих
бесхребетных стихов?»**